Свобода слова как конституционно-правовая категория: понятие и содержание в эпоху цифровизации

Васильев Кирилл Владимирович
Аспирант кафедры конституционного и муниципального права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, Москва, Россия, vaskirill66@gmail.com

Статья посвящена исследованию свободы слова как конституционно-правовой категории в условиях цифровизации. Традиционные доктринальные представления о содержании данной конституционной свободы, сложившиеся применительно к печатным и эфирным средствам массовой информации, не в полной мере учитывают специфику её реализации в социальных сетях, мессенджерах и иных цифровых каналах коммуникации, а также роль операторов цифровых платформ как новых участников соответствующих правоотношений. Цель исследования – уточнить понятие и раскрыть содержание свободы слова как конституционно-правовой категории применительно к условиям цифровизации. С использованием формально-юридического и системного методов охарактеризована юридическая природа свободы слова, включая её негативное и позитивное измерения и коммуникационный характер, проанализированы доктринальные подходы к соотношению понятий «свобода слова» и «право на информацию», рассмотрена структура данной категории, включающая субъект, объект, содержание и пределы, выявлены основные направления трансформации содержания свободы слова под влиянием цифровизации. Установлено, что цифровизация не изменяет конституционно-правовую природу свободы слова, однако качественно меняет структуру соответствующего правоотношения: наряду с государством и носителем свободы в нём появляется оператор цифровой платформы, к которому частично смещается функция определения пределов свободы слова, что обусловливает необходимость выработки дополнительных конституционных гарантий для пользователя.

Ключевые слова: свобода слова; конституционно-правовая категория; цифровизация; право на информацию; цифровые платформы; модерация контента; пределы конституционных прав и свобод; искусственный интеллект; конституционные гарантии.

Введение

Статья 29 Конституции Российской Федерации[1] закрепляет свободу мысли и слова, а также право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию. Между тем данная норма принималась в условиях принципиально иного уровня развития информационных технологий, нежели существующий в настоящее время. Как отмечает С.М. Шахрай, формирование цифрового общества опережает создание эффективных правовых регуляторов новой реальности, что требует выработки механизмов защиты основных, в том числе конституционных, прав и свобод личности в цифровом мире[2].

За последние два десятилетия развитие социальных сетей, мессенджеров, платформ пользовательского контента, систем искусственного интеллекта, генерирующих тексты, изображения и видео, существенно изменило способы и субъектный состав реализации свободы слова. Если ранее носителями функции распространения информации выступали преимущественно традиционные средства массовой информации (печатные издания, телевидение, радио), действующие в рамках специального правового регулирования, то сегодня каждый обладатель доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» получает возможность выступать в качестве распространителя информации, оказывающего влияние на неопределённый круг лиц.

Указанные изменения порождают комплекс теоретических и практических проблем конституционно-правового характера. Во-первых, остаётся дискуссионным вопрос о содержании и границах самой категории «свобода слова» применительно к новым формам её реализации, таким как публикации в социальных сетях, комментарии, стриминговый контент, автоматизированно генерируемые тексты. Во-вторых, требует переосмысления соотношение конституционных гарантий и фактического регулирования коммуникации со стороны цифровых платформ, чьи правила модерации контента нередко определяют пределы реализации свободы слова эффективнее, чем нормы позитивного права.

Доктринальные подходы к пониманию и содержанию свободы слова как конституционно-правовой категории

В конституционно-правовой науке свобода слова традиционно рассматривается не просто как одно из субъективных прав, а как комплексная конституционно-правовая категория, обладающая сложной юридической природой. Она сочетает в себе черты личной и политической свободы, выступая одновременно гарантией автономии личности в интеллектуальной сфере и необходимым условием функционирования демократического общества и идеологического многообразия. Л.М. Большаков подчеркивает, что «такая оценка свободы слова с уходом исключительно от позитивистского или естественного понимания права более точно выражает ее сущность и содержание»[3]. Комплексный характер свободы слова подтверждается и практикой Конституционного Суда Российской Федерации. В частности, в Постановлении от 04 декабря 2025 года № 43-П[4] подчеркивается, что свобода слова – это не только гарантированная государством возможность беспрепятственно выражать свои суждения, но и условие эффективности общественного контроля за действиями публичной власти.

Большинство исследователей отмечают, что свобода слова имеет преимущественно негативный характер: она требует от государства воздержания от вмешательства в процесс формирования и выражения мнений. Следует согласиться с В.А. Кочевым и А.Б. Эктумаевым, что «свобода слова обеспечивает защиту от произвольного вмешательства государства в важнейшую сферу человеческой

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Российская газета. — 2020. — 4 июля. — № 144.
[2] Шахрай С.М. Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88. № 12. С. 1075.

[3] Большаков Л.М. Понятие и признаки конституционной свободы слова с позиции интегративного подхода // Проблемы права. 2021. № 4 (83). С. 16.

[4] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2025 г. № 43-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Роговой Лилии Геннадьевны» // Официальный интернет-портал правовой информации. 05.12.2025. № 0001202512050001. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512050001 (дата обращения: 01.10.2026)

жизни – коммуникацию»[1]. А.С. Кульнев, рассматривая свободу слова как негативную свободу личности, отмечает, что «перед негативной свободой слова стоят исключительно правовые цели – контроль за цензорскими действиями государства»[2].

Вместе с тем в современной доктрине всё чаще подчёркивается наличие у неё и позитивного измерения, связанного с обязанностью государства создавать условия для реального осуществления этой свободы, включая обеспечение доступа к информации и защиту от неправомерных ограничений со стороны частных субъектов (в том числе цифровых платформ). В.Д. Зорькин обращает внимание, что, с одной стороны, государство должно осуществлять контроль за соблюдением прав человека в информационной среде, при этом, с другой стороны, меры противодействия нарушениям не должны превращаться в чрезмерные ограничения[3].

Важной характеристикой свободы слова как конституционно-правовой категории является её коммуникационная природа. Она защищает не только внутренний процесс формирования мнения, но и его внешнее выражение, направленное на установление социальной связи с другими лицами. На это единство внутреннего и внешнего аспектов обращал внимание М.В. Баглай, по мнению которого «свобода слова – это не только право говорить все что угодно, но и сумма убеждений, мнений, идей»[4]. Схожая позиция также представлена в научных трудах В.А. Лебедева, по мнению которого свобода слова «выражается в свободе идей, мнений, убеждений, гарантии их беспрепятственного гласного выражения»[5]. Именно поэтому в условиях цифровизации, когда коммуникация приобретает массовый и опосредованный платформами характер, содержание данной категории неизбежно претерпевает трансформацию.

Для уяснения содержания данной категории необходимо учитывать, что в конституционно-правовой доктрине и в законодательстве используется ряд смежных, но не тождественных понятий: «свобода слова», «свобода мысли», «свобода выражения мнения», «свобода массовой информации», «право на информацию».

Статья 29 Конституции Российской Федерации объединяет в своём содержании несколько самостоятельных, хотя и взаимосвязанных правомочий: свободу мысли и слова (часть 1), запрет принуждения к выражению или отказу от мнений и убеждений (часть 3), а также право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию (часть 4). В доктрине не сложилось единого подхода к тому, следует ли рассматривать перечисленные правомочия как элементы единой комплексной категории либо как самостоятельные, хотя и тесно связанные между собой конституционно-правовые категории.

Часть исследователей исходит из узкого понимания свободы слова, ограничивая её собственно возможностью выражения мнений, суждений и оценок, и разграничивая её с правом на информацию как самостоятельным правомочием, имеющим иной объект (сведения, факты) и иную функциональную нагрузку. Данной позиции придерживается, в частности, А.Б. Эктумаев, по мнению которого «права, перечисленные в ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, следует интерпретировать как отдельные правомочия, составляющие в совокупности конституционное право на свободу информации, которое обладает особым юридическим содержанием»[6]. Другая группа авторов придерживается широкого подхода и рассматривает свободу слова как родовую категорию, охватывающую весь комплекс правомочий, связанных с выражением и распространением информации, включая её поиск, получение и передачу. Значительный вклад в разработку вопроса о соотношении свободы слова с правом на информацию внёс С.Н. Шевердяев, по мнению которого закреплённое в ч. 4 ст. 29 Конституции РФ право на информацию выступает проявлением традиционных свобод мысли и слова, а не самостоятельным субъективным правом[7]. Аналогичное мнение высказывает и Г.Д. Садовникова, подчеркивая, что свобода информации является элементом свободы мысли и слова[8].

Представляется, что для целей настоящего исследования оправдан широкий подход, поскольку в цифровой среде грань между «выражением мнения» и «распространением информации» практически стирается: один и тот же акт коммуникации (например, публикация поста в социальной сети) одновременно может содержать и оценочное суждение, и фактические сведения, и элемент их дальнейшего распространения.

В структуре свободы слова как конституционно-правовой категории целесообразно выделять следующие элементы:

субъект – по общему правилу каждый (часть 4 статьи 29 Конституции РФ), однако цифровая среда актуализирует вопрос о специфике реализации данной свободы отдельными категориями субъектов, в частности, несовершеннолетними, анонимными пользователями, автоматизированными системами (ботами), а также вопрос о роли новых операторов социальных сетей и иных информационных платформ;

объект – мысли, мнения, суждения, оценки, а также информация в широком смысле, независимо от формы её фиксации и способа распространения;

содержание – совокупность правомочий по поиску, получению, передаче, производству и распространению информации, а также правомочие придерживаться собственных убеждений и не подвергаться принуждению к их выражению или отказу от них;

пределы (ограничения) – установленные частью 3 статьи 55 Конституции РФ основания и порядок ограничения прав и свобод, а также специальный перечень ограничений, вытекающий из смысла статьи 29 (запрет пропаганды и агитации, возбуждающей ненависть и вражду, запрет цензуры при одновременном сохранении возможности ограничения тайны переписки и иных сообщений на основании судебного решения).

Именно пределы реализации свободы слова приобретают наибольшую специфику в условиях цифровизации, поскольку традиционные механизмы установления границ свободы слова (законодательный запрет, судебный контроль) дополняются принципиально новыми технологическими и локально-нормативными (правила платформ, алгоритмическая модерация) механизмами, природа которых с точки зрения конституционного права требует самостоятельного осмысления. А.А. Щербович подчеркивает, что «модерация на интернет-ресурсах является формой ограничения свободы слова в специфических условиях Всемирной сети»[9].

Трансформация содержания свободы слова в эпоху цифровизации

Содержание свободы слова как конституционно-правовой категории, сформировавшееся в доктрине применительно к традицион-

---

[1] Кочев В.А., Эктумаев А.Б. Право на свободу слова как основное право // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 36. С. 140–141.

[2] Свобода слова в современном обществе : конституционно-правовая теория и судебная практика : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 5.1.2. / Кульнев Александр Сергеевич; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» ; Диссовет МГУ.051.4]. - Москва, 2025. – С. 15-16.

[3] Зорькин, В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума / В. Д. Зорькин // Российская газета. — 2018. — 29 мая. — URL: https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html (дата обращения: 02.10.2026)

[4] Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник / М. В. Баглай. — 14-е изд., изм. и доп. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2027. — С. 240. — DOI 10.12737/1905055. - ISBN 978-5-00156-272-6. - Текст : электронный. - URL: https://znanium.ru/catalog/product/2262687 (дата обращения: 01.10.2026)

[5] Лебедев, Валериан Алексеевич. Права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации : учебное пособие / В. А. Лебедев, И. Г. Дудко, Д. Л. Кутейников ; под общей редакцией В. А. Лебедева ; Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА). — Москва : Проспект, 2021. — С. 62.

[6] Эктумаев, А. Б. Соотношение свободы слова и свободы информации / А. Б. Эктумаев // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2011. – № 4(14). – С. 49.

[7] См., напр.: Шевердяев С.Н. Право на информацию: к вопросу о конституционно-правовой сущности // Право и политика. 2001. № 10. С. 91–100.

[8] Садовникова, Г. Д. Комментарий к Конституции РФ : постатейный / Г. Д. Садовникова. — 12-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — С. 45. — (Профессиональные комментарии). — ISBN 978-5-534-15856-4. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/535409 (дата обращения: 06.10.2026)

[9] Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.02 / Щербович Андрей Андреевич; [Место защиты: Нац. исслед. ун-т "Высш. шк. экономики"]. - Москва, 2013. – С. 8.

ным формам коммуникации, в условиях цифровизации претерпевает существенную трансформацию по нескольким направлениям: расширяется круг субъектов, реализующих данную свободу, изменяются формы ее осуществления, трансформируется сама природа механизмов, определяющих пределы ее реализации. Следует согласиться с Е.В. Лунгу, что «внедрение цифровых технологий в сферу реализации прав и свобод человека носит неоднозначный характер, приводящий к размыванию устоявшихся представлений о конституционных правах и свободах человека»[1].

Традиционная модель регулирования свободы слова строилась на дифференцированном подходе к статусу субъектов, при этом массовое распространение информации было прерогативой средств массовой информации, деятельность которых подчинялась специальному правовому режиму. В то же время индивидуальное высказывание гражданина регулировалось общими нормами о свободе слова с минимальными формальными ограничениями. Цифровизация стирает эту границу: пользователь социальной сети одновременно реализует индивидуальное право на выражение мнения и фактически осуществляет функцию, ранее присущую средствам массовой информации, не обладая при этом ни соответствующим специальным статусом, ни связанными с ним обязанностями. Данное обстоятельство порождает не разрешённый однозначно в законодательстве вопрос о том, в каком объёме на субъектов подобной массовой коммуникации должны распространяться требования, аналогичные предъявляемым к традиционным СМИ.

Наряду с традиционными формами реализации свободы слова, такими как устное высказывание или печатная публикация, появляются качественно новые способы выражения мнений и распространения информации. К ним можно отнести публикации и комментарии в социальных сетях, видео- и аудиостриминг, а также контент, полностью или частично созданный с использованием технологий искусственного интеллекта. Применительно к такому контенту доктрина пока не даёт однозначного ответа на вопрос о том, можно ли считать субъектом реализации свободы слова лицо, инициировавшее генерацию текста или изображения нейросетью, а также распространяется ли конституционная гарантия на сам сгенерированный контент.

Ключевой особенностью цифровой эпохи является трансформация механизмов установления пределов свободы слова. Наиболее значимое изменение состоит в том, что традиционные механизмы ограничения свободы слова дополняются принципиально новым видом регулирования – модерацией контента, осуществляемой самими цифровыми платформами на основании собственных пользовательских соглашений и внутренних политик. Показательным примером сближения публично-правового и частного регулирования в данной сфере служит статья 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[2]. Данная норма возлагает на владельцев социальных сетей обязанность самостоятельно отслеживать содержание размещаемой пользователями информации, фактически придавая функции модерации, ранее относившейся к сфере автономного усмотрения частных операторов, характер публично-правовой обязанности. Как справедливо отмечает А.Э. Булгаков, «по существу платформы подменяют государство на позиции главного гаранта прав и свобод человека в цифровом пространстве, в том числе свободы слова»[3].

Подобная конструкция порождает существенную теоретическую проблему: пределы свободы слова начинают определяться не только государством напрямую (через закон и суд), но и опосредованно – через возлагаемую на частных операторов обязанность самостоятельно квалифицировать контент как правомерный или неправомерный, что смещает функцию, традиционно относимую к исключительной прерогативе публичной власти, в сферу принятия решений частным субъектом, зачастую действующим на основании неформализованных или непубличных критериев (алгоритмов модерации). Как отмечает Я.С. Флитер, «в целях правового регулирования свободы слова и контроля за ее реализацией гражданами государство перекладывает часть своих полномочий на интернет-компании, поскольку последние обладают большими мощностями для проведения той или иной политики»[4].

Это ставит перед конституционно-правовой наукой вопрос о необходимости выработки дополнительных гарантий для пользователя как более слабой стороны подобных правоотношений, включая право на мотивированное объяснение решения о блокировке контента и право на его оспаривание, а также о пределах допустимого делегирования квазипубличных функций частным операторам цифровых платформ.

Изложенное позволяет заключить, что цифровизация не просто расширяет технические возможности реализации свободы слова, но качественно меняет структуру правоотношения: наряду с классической связкой «государство – носитель права» появляется третий, институционально значимый субъект – оператор цифровой платформы, присутствие которого требует самостоятельного конституционно-правового осмысления и не в полной мере укладывается в традиционную доктринальную модель.

Литература

1. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник / М. В. Баглай. — 14-е изд., изм. и доп. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2027. — 768 с.

2. Большаков, Л. М. Понятие и признаки конституционной свободы слова с позиции интегративного подхода / Л. М. Большаков // Проблемы права. — 2021. — № 4 (83). — С. 15–19.

3. Булгаков, А. Э. Особенности действия конституционно-правовых гарантий свободы слова в социальных сетях (опыт России и зарубежных стран) : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 5.1.2 / Булгаков Андрей Эдуардович. — Москва, 2024. — 257 с.

4. Зорькин, В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума / В. Д. Зорькин // Российская газета. — 2018. — 29 мая. — URL: https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html (дата обращения: 02.10.2026). — Текст : электронный.

5. Кочев, В. А. Право на свободу слова как основное право / В. А. Кочев, А. Б. Эктумаев // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2017. — Вып. 36. — С. 134–142.

6. Кульнев, А. С. Свобода слова в современном обществе : конституционно-правовая теория и судебная практика : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 5.1.2 / Кульнев Александр Сергеевич. — Москва, 2025. — 33 с.

7. Лебедев, В. А. Права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации : учебное пособие / В. А. Лебедев, И. Г. Дудко, Д. Л. Кутейников ; под общей редакцией В. А. Лебедева. — Москва : Проспект, 2021. — 176 с.

8. Лунгу, Е. В. Конституционные права и свободы человека в свете цифровизации общественных отношений / Е. В. Лунгу // Lex russica. — 2025. — Т. 78, № 3. — С. 86–97.

9. Садовникова, Г. Д. Комментарий к Конституции РФ : постатейный / Г. Д. Садовникова. — 12-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 262 с. — (Профессиональные комментарии). — ISBN 978-5-534-15856-4. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт. — URL: https://urait.ru/bcode/535409 (дата обращения: 06.10.2026).

10. Флитер, Я. С. Реализация свободы слова в цифровой среде / Я. С. Флитер // Цифровое право. — 2021. — Т. 2, № 3. — С. 55–70.

11. Шахрай, С. М. Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе / С. М. Шахрай // Вестник Российской академии наук. — 2018. — Т. 88, №

[1] Лунгу Е.В. Конституционные права и свободы человека в свете цифровизации общественных отношений // Lex russica. 2025. Т. 78. № 3. С. 86.

[2] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

[3] Булгаков А.Э. Особенности действия конституционно-правовых гарантий свободы слова в социальных сетях (опыт России и зарубежных стран): дис. … канд. юрид. наук. М., 2024. С. 5.

[4] Флитер Я.С. Реализация свободы слова в цифровой среде // Цифровое право. 2021. Т. 2, № 3. С. 63.

12. — С. 1075–1082.

12. Шевердяев, С. Н. Право на информацию: к вопросу о конституционно-правовой сущности / С. Н. Шевердяев // Право и политика. — 2001. — № 10. — С. 91–100.

13. Щербович, А. А. Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.02 / Щербович Андрей Андреевич. — Москва, 2013. — 26 с.

14. Эктумаев, А. Б. Соотношение свободы слова и свободы информации / А. Б. Эктумаев // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2011. — № 4 (14). — С. 45–52.

Freedom of speech as a constitutional law category: concept and content in the era of digitalization

Vasilyev K.V.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article examines freedom of speech as a constitutional law category under conditions of digitalization. Traditional doctrinal conceptions of the content of this constitutional freedom, formed in relation to print and broadcast media, do not fully account for the specifics of its exercise on social networks, messengers, and other digital communication channels, nor for the role of digital platform operators as new participants in the relevant legal relations. The purpose of the study is to clarify the concept and disclose the content of freedom of speech as a constitutional law category under conditions of digitalization. Using formal-legal and systemic methods, the article characterizes the legal nature of freedom of speech, including its negative and positive dimensions and its communicative character, analyzes doctrinal approaches to the relationship between "freedom of speech" and "the right to information," examines the structure of this category, comprising the subject, object, content, and limits, and identifies the main directions in which digitalization transforms the content of freedom of speech. It is established that digitalization does not alter the constitutional legal nature of freedom of speech but qualitatively changes the structure of the corresponding legal relationship: alongside the state and the holder of the freedom, the digital platform operator emerges as a participant to whom the function of determining the limits of freedom of speech is partially shifted, which calls for additional constitutional guarantees for the user.

Keywords: freedom of speech; constitutional law category; digitalization; right to information; digital platforms; content moderation; limits of constitutional rights and freedoms; artificial intelligence; constitutional guarantees.

References

1. Baglay, M. V. Constitutional Law of the Russian Federation: A Textbook / M. V. Baglay. — 14th ed., revised and supplemented. — Moscow: Norma: INFRA-M, 2027. — 768 p.

2. Bolshakov, L. M. The Concept and Characteristics of Constitutional Freedom of Speech from the Perspective of an Integrative Approach / L. M. Bolshakov // Problems of Law. — 2021. — No. 4 (83). — pp. 15–19.

3. Bulgakov, A. E. Specifics of the Application of Constitutional and Legal Guarantees for Freedom of Speech on Social Media (Experience of Russia and Foreign Countries): Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences: 5.1.2 / Andrey Eduardovich Bulgakov. — Moscow, 2024. — 257 p.

4. Zorkin, V. D. Law in the Digital World: Reflections on the St. Petersburg International Legal Forum / V. D. Zorkin // Rossiyskaya Gazeta. — 2018. — May 29. — URL: https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html (accessed: 02.10.2026). — Text: electronic.

5. Kochev, V. A. The Right to Freedom of Speech as a Fundamental Right / V. A. Kochev, A. B. Ektumaev // Perm University Herald. Juridical Sciences. — 2017. — Issue 36. — pp. 134–142. 6. Kulnev, A. S. Freedom of Speech in Modern Society: Constitutional-Legal Theory and Judicial Practice : Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences : 5.1.2 / Alexander Sergeyevich Kulnev. — Moscow, 2025. — 33 p.

7. Lebedev, V. A. Human and Civil Rights and Freedoms in the Russian Federation : Study Guide / V. A. Lebedev, I. G. Dudko, D. L. Kuteynikov ; edited by V. A. Lebedev. — Moscow : Prospekt, 2021. — 176 p.

8. Lungu, E. V. Constitutional Human Rights and Freedoms in the Context of the Digitalization of Social Relations / E. V. Lungu // Lex Russica. — 2025. — Vol. 78, No. 3. — pp. 86–97.

9. Sadovnikova, G. D. Commentary on the Constitution of the Russian Federation : Article-by-Article / G. D. Sadovnikova. — 12th ed., revised and supplemented. — Moscow : Yurayt Publishing House, 2024. — 262 p. — (Professional Commentaries). — ISBN 978-5-534-15856-4. — Text : electronic // Yurayt Educational Platform. — URL: https://urait.ru/bcode/535409 (accessed: 06.10.2026).

10. Fliter, Ya. S. The Exercise of Freedom of Speech in the Digital Environment / Ya. S. Fliter // Digital Law. — 2021. — Vol. 2, No. 3. — pp. 55–70. 11. Shakhray, S. M. Digital Constitution: Fundamental Rights and Freedoms of the Individual in a Totally Information-Based Society / S. M. Shakhray // Herald of the Russian Academy of Sciences. — 2018. — Vol. 88, No. 12. — pp. 1075–1082.

12. Sheverdyaev, S. N. The Right to Information: On the Question of Its Constitutional and Legal Essence / S. N. Sheverdyaev // Law and Politics. — 2001. — No. 10. — pp. 91–100.

13. Shcherbovich, A. A. Constitutional Guarantees of Freedom of Speech and the Right of Access to Information on the Internet : Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences : 12.00.02 / Shcherbovich, Andrey Andreyevich. — Moscow, 2013. — 26 p.

14. Ektumaev, A. B. The Relationship Between Freedom of Speech and Freedom of Information / A. B. Ektumaev // Perm University Herald. Juridical Sciences. — 2011. — No. 4 (14). — pp. 45–52.